

Общие вопросы истории и философии науки

ОБЪЕКТИВНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ НАУЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

А.И. Еремин, Е.Н. Яркова

В статье представлена и проанализирована эволюция понимания объективности как познавательной ценности.

Ключевые слова: наука, культура, ценности, объективность

Научная культура как ценностно-смысловая система – явление сложное, исторически изменчивое, а главное, в полноте своей едва ли поддающееся строгой кодификации. Сама идея составления законченного перечня ценностей, образующих ту или иную форму культуры, давно считается утопичной. Тем не менее можно выделить некую познавательную ценность, наличие которой ни у кого не вызывает сомнения. Речь идет о ценности объективности научного знания.

Значимость этой ценности для ученого как субъекта научного исследования очевидна, поскольку его профессиональная деятельность направлена на получение объективной информации относительно существующей реальности, на репрезентацию действительности такой, какая она есть. Однако не менее очевиден и тот факт, что имманентным свойством человеческого мышления является субъективность, а следовательно, объективность информации, получаемой благодаря субъективному восприятию, всегда относительна. Именно относительность объективности научного знания является исходным условием вариативности интерпретаций ценностей объективности научного знания.

Каждому этапу развития научной культуры: классическому, неклассическому, постнеклассическому – присуще свое специфическое понимание этих ценностей. Причем специфика такого рода пониманий обусловлена, с одной стороны, общекультурным строем той или иной исто-

рической эпохи, свойственными ей представлениями о мире и месте в нем человека, а с другой стороны, существующей научной картиной мира. Именно в научной картине мира позиционируются представления о закрытости или открытости мира, о его простоте или сложности, о роли случайности и закономерности в его развитии, которые и задают основания либо для возведения объективности в абсолют, либо для низведения ее до весьма относительной ценности. Сферой, в которой артикулируются эти представления, является в первую очередь эпистемология – философско-методологическая рефлексия в разнообразии ее исторических форм: классической, неклассической, постнеклассической.

Классическая научная культура формируется в эпоху модернизации – перехода от аграрного, традиционного, феодального общества к обществу индустриальному, модернизированному, капиталистическому. Основания классической научной культуры вырабатываются в контексте такого широкого общественно-политического движения, как Просвещение. Просвещенческий проект социального переустройства базировался на принципах: рационализма, т.е. на представлении о разумном основании и рациональном устройстве мира; прогрессизма, т.е. на вере в возможность преобразования и улучшения окружающей социальной и материальной среды; гносеологического оптимизма, т.е. на убеждении в абсолютной познаваемости законов мироздания; сциентизма, т.е. на квалификации научного знания как ведущей формы культуры и главной производительной силы общества.

Развитие производства и промышленная революция, становление буржуазных отношений и урбанизация, демократизация и секуляризация радикально изменяют представления о человеке и его месте в мире. На смену традиционалистской модели восприятия мира как неизбежного условия существования человека, типичной для культуры Средневековья, приходит утилитаристское восприятие мира как источника средств существования человека. Соответственно, стратегия примирения с существующим положением вещей сменяется стратегией активного преобразования окружающего мира. Человек начинает осмысливаться как призванное господствовать над природой разумное существо.

Необходимо отметить, что утилитарное мировосприятие способствует разгерметизации традиционного синкретического мышления. В рамках утилитарного, объектно-вещного восприятия реальности происходят расчленение присущей традиционной культуре бессубъективности, формирование субъект-объектного отношения человека к окружаю-

цему миру. Исторически первым типом культуры, в котором человек не только осмысливает, но и культурно конституирует свою отдельность, свое Я, свою отчужденность от природного Универсума, в сущности, является утилитаризм. Разумеется, утилитарное отношение к миру возникает задолго до эпохи модернизации, тем не менее именно в эту эпоху оно начинает играть главенствующую роль.

Классическая научная культура, вбирая в свое смысловое пространство сложившиеся в культуре Нового времени утилитарные представления о месте человека в мире, позиционирует субъекта познания как дистанцированного от мира наблюдателя. Конечно, такая установка формируется в результате актуализации не только определенных представлений о месте человека в мире, но и в значительной мере представлений о мире как таковом. В рамках классической научной картины мир позиционируется как простая, закрытая, механическая система. Такое мировидение дает целый ряд оснований для утверждения идеи абсолютной объективности знания. Во-первых, определение мира как простой, внутренне однородной системы (онтологический монизм) минимизирует возможности альтернативного видения мира и, следовательно, его субъективных интерпретаций. Во-вторых, позиционирование мира как системы закрытой исключает саму вероятность субъективного на него влияния, что дает основания оценивать всякое субъективное знание как ложное или ошибочное. В-третьих, представление о мире как механической системе, в которой действуют жесткие, независимые от человека законы, ведет к элиминации субъективного фактора из любых объяснительных конструкций. Исследователь в таком контексте воспринимается как бесстрастно фиксирующая информацию познавательная машина. Такого рода мировосприятие порождает убежденность в абсолютной познаваемости мира (гносеологический оптимизм) и, соответственно, в достижимости абсолютной объективности научного знания о мире. В качестве единственного препятствия на пути достижения такого рода объективности рассматривается субъективность, которой объявляется беспощадная война.

Классическая научная культура позиционирует субъекта научного познания как гносеологически чистого, не обусловленного никакими предпосылками, безличного индивида. Составной частью этой культуры становится принцип объективированного субъекта – принцип суверенности научного разума, объективности и предметности знания, достигаемых за счет «исключения из объясняющих положений всего, что не относится к характеристикам объекта» [1]. Только надличностный ха-

рактер знания, в видении классических эпистемологов – Ф. Бэкона, Дж. Локка, Р. Декарта и др., может служить залогом его объективности. Классические методологические программы эмпиризма (сенсуализма) и рационализма, несмотря на разные приоритеты в источниках познания (опыт и разум), базируются на представлении об абсолютной объективности научного знания и, соответственно, декларируют объективность как гносеологический идеал и реальное неукоснительное требование.

В конце XVIII – начале XIX в. механистическая картина мира утрачивает статус универсальной. В биологии, химии, геологии происходит накопление научной информации, которая не вмещается в теоретические схемы классической научной картины. Осуществляется переход к дисциплинарно организованному знанию, а стало быть, к формированию специальных научных картин мира, претендующих на онтологический статус в рамках своей отрасли знания [2]. Онтологический монизм сменяется онтологическим плюрализмом. Соответственно, изменяется интерпретация ценности объективности, что связано с ее релятивизацией и частичной девальвацией. Параллельно складываются представления о включенности в научное знание субъективного компонента. Рефлексивную форму эти идеи приобретают в рамках первого и второго позитивизма.

Несомненно, первый позитивизм верен идеалу объективности, который реализуется посредством методологического требования феноменализма. Тем не менее ценность объективности в репрезентации позитивистов утрачивает статус абсолюта, что в значительной степени обусловлено утратой веры в абсолютную познаваемость мира, т.е. кризисом гносеологического оптимизма. Позитивизм базируется на представлении, согласно которому объективное знание относительно сущностных оснований мира, законов его развития недостижимо. Следовательно, объективность в позитивистской интерпретации приобретает усеченный вид, ее действие распространяется лишь на мир явлений.

Еще дальше по пути разрыва с идеей абсолютной объективности научного знания идет второй позитивизм. В рамках эмпириокритицизма начинается процесс девальвации идеала абсолютной объективности научного знания, связанный со сведением мира как объекта исследования к комплексу ощущений. Очевидно, что такого рода гносеологический сдвиг открывает шлюзы потокам когнитивного скепсиса. В результате научные понятия начинают рассматриваться как лишённые объективного содержания знаки, выполняющие функцию упорядочивания ощущений. Научные теории и законы квалифицируются как модели реальности принятые для удобства. Например, Э. Мах утверждает: «...Наши понятия

и теории – суть лишь средства, которыми мы пользуемся в видах экономии мышления» [3]. Наконец, сама наука рассматривается не субстанционально – как знание, отражающее сущностные основания и законы мира, но функционально – как форма приспособления человека к окружающей среде.

Эти махистские представления развиваются в конвенционализме, определяющем генерализирующие научные теории как конвенции, т.е. соглашения между учеными, обусловленные соображениями удобства и простоты и не связанные непосредственно с критерием объективности. Симптоматично в этой связи высказывание представителя умеренного конвенционализма – А. Пуанкаре: «...Наука не может открыть нам природу вещей; никто не в силах открыть нам ее, и если бы ее знал какой-нибудь бог, то и он не мог бы найти слов для ее выражения» [4]. В конечном счете научная объективность сводится к общезначимости – интересубъективности.

Неклассическая научная культура развивается в эпоху достижения зрелости индустриальной цивилизации, ее вступления в состояние кризиса. Завершается длительный процесс формирования техногенной цивилизации, ориентирующей человека на подчинение природы, преобразование мира, развитие техники и технологий. Подобно классической неклассическая научная культура включает в свое пространство утилитарные смыслы и ценности, однако их удельный вес в неклассике значительно снижается. В целом, для ученого XX в. смысл научной деятельности в гораздо меньшей степени, чем для ученого XVII в, обосновывается ее общественной пользой. Во многом это связано с осознанием неблагоприятных социальных последствий научных достижений, с пониманием дегуманизирующей и разрушительной роли науки и техники в индустриальном обществе.

Неклассическая научная картина мира, а также неклассические когнитивные установки несут на себе достаточно зримую печать креативного отношения к миру как к высшей ценности и цели созидательной деятельности человека. Если в классической науке утилитаризм выступал как ценностно-смысловая основа научной картины мира, как ведущая познавательная и нравственная стратегия, то в неклассической утилитаризм существует на паритетных началах с креативизмом.

Становление неклассической научной культуры происходит на фоне критики ценностно-смысловых оснований культуры классической. В частности, развенчивается просвещенческое представление о разум-

ном основании и рациональном устройстве мира, т.е. радиоцентризм. В конце XIX – начале XX столетия широкое распространение получают иррационалистические умонастроения, связанные с кризисом буржуазного общественного порядка. Теоретическую форму эти умонастроения обретают в философии Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, С. Кьеркегора и др. Впрочем, сомнения в том, что царящий в мире порядок доступен человеческому умопостижению, разъедают не только философские умы. Например, физик П.У. Бриджмен пишет: «...Быть может, устройство природы таково, что наши мыслительные процессы просто не отвечают ему в достаточной мере, чтобы мы вообще могли помыслить его себе... Мир словно блекнет и ускользает от нас... Мы оказываемся лицом к лицу с чем-то поистине невыразимым. Мы подошли к последнему пределу, до которого только было добраться по следам великих первопроходцев науки, и за этим пределом кончается вера в то, что мы живем в некоем сочувственном мире, постижимом нашим умом» [5].

Выдвинутый Просвещением принцип гносеологического оптимизма сменяется скептицизмом, появляется термин «агностицизм» (Т. Гексли, 1869 г.), обозначающий учение, отрицающее саму возможность познания мира. Под сомнение ставится просвещенческий проект разумного переустройства общества и природы. Например, Шопенгауэр называет оптимизм и прогресс в истории выдумками, полагая, что история есть повторение одного и того же. Идеи цикличности исторического развития развивают Ницше, Шпенглер и др. Учение механистического детерминизма характеризуется как ограниченное, одностороннее, бессильное в объяснении жизни общества и природы. С критикой механицизма выступает Мах. Зримой становится тенденция актуализации индетерминистских представлений (например, в работах Б. Рассел). Нововременному сциентизму противопоставляется антисциентизм как реакция на преувеличение роли науки в обществе. Например, Кьеркегор рассматривает науку как неподлинное существование.

Критика классической науки была связана в первую очередь с критикой модернистских, просвещенческих мировоззренческих установок. Становление и развитие неклассической научной культуры связано с кризисом модернизационных процессов и формированием культуры постмодерна.

Постмодернистское мировидение расплывчатое и неопределенное. Неотъемлемой его частью является представление о мире как разветвленной, бессвязной и бесформенной ризоме, которое закрепляется за счет утверждения плюрализма и эклектизма как основополагающих

принципов концептуализации. В постмодернистском видении задача человеческого разума отнюдь не сводится к реконструкции некоего существующего в мире порядка, познание рассматривается скорее как конструирование – творческая интерпретация мира. А поскольку мир для человека существует лишь в интерпретациях, которых может быть множество, постольку объект познания видится неотделимым от его субъекта. Таким образом, постмодерн определяет главную цель познающего разума как смыслопорождающее творчество. Представляется, что культура постмодерна, с ее ярко выраженным креативным началом, является неким важным смысловым контекстом, позволяющим глубже понять специфику неклассического видения мира и места в нем человека. В рамках неклассической научной картины мир позиционируется как сложная, открывающаяся, самоорганизующаяся система. Такое мировидение дает целый ряд оснований для квалификации ценности объективности научного знания как сугубо относительной, а также для признания значимости субъективности в процессах научного познания.

Во-первых, определение мира как сложной, внутренне неоднородной антиномичной системы создает эффект расщепления целостной онтологии, т.е. формирует представление о существовании различных, альтернативных картин реальности. Особенностью неклассической научной культуры, по общему убеждению ее исследователей, являются не только преодоление онтологического монизма и выход к позициям онтологического плюрализма, но и осмысление относительности любой онтологии. Научная картина мира отныне рассматривается не как сам мир в его непосредственной данности, а как исторически изменяющаяся теоретическая модель мира, что открывает возможность многообразных его интерпретаций.

Во-вторых, позиционирование мира как системы открытой предполагает возможность субъективного на него влияния, поэтому субъективное знание уже не оценивается однозначно как ложное или ошибочное.

Наконец, в-третьих, представление о мире как самоорганизующейся системе, участником которой является человек, ведет к включению субъективного фактора в объяснительные научные конструкции.

В целом, неклассическое видение мира как постоянно развивающегося и усложняющегося порождает скепсис относительно абсолютной его познаваемости и, соответственно, относительно достижимости абсолютной объективности научного знания о мире. Релятивизация представлений, касающихся объективности научного знания, способствует реабилитации субъективности в научном исследовании, которая в этом

случае рассматривается уже не только как некая неизбежная данность, но и как эвристически значимая исследовательская установка. Важнейшей особенностью понимания объекта познания в неклассической науке является видение его как субъективированного объекта. В основании такого видения лежит убеждение о принципиальной невозможности отделить исследователя от объекта исследования. В неклассическом представлении человеческий разум не может выходить за пределы мира, чтобы судить о нем извне. Следовательно, субъект познания неотторжим от объекта познания.

Новая концепция объекта исследования как субъективированного объекта во многом формируется в результате создания А. Эйнштейном теории относительности, демонстрирующей зависимость знания об объекте от позиции наблюдателя, изучающего данный объект. Серьезный вклад в новое понимание объекта исследования как субъективированного объекта внесла атомная физика, зафиксировавшая такой важный момент, как зависимость поведения атомных объектов от их взаимодействия с измерительными приборами. Эти и другие открытия способствовали дискредитации классического принципа автономности объекта от средств познания, они показали, что содержание знания определяется не только устройством самой природы, но, в силу сложности и противоречивости природных явлений, также способом постановки исследовательских задач.

Неклассическая наука кардинальным образом изменяет представление о субъекте научного познания, который не рассматривается более как гносеологически чистый, не детерминированный никакими предпосылками, безличный индивид, как дистанцированный от мира наблюдатель. Познающий разум предстает как разум человеческий – исторически, социально и культурно обусловленный, не отделенный от мира, но погруженный в него. Идеал гносеологической объективности – надличностного, «беспристрастного» знания начинает сжиматься под натиском идеи гносеологической субъективности. Соответственно объективность научного знания понимается как его интересубъективность.

Обоснование этих идей осуществляется неклассическими эпистемологами. Важнейший тезис, развиваемый постпозитивистами, состоит в следующем: наука имеет антропологическую и социокультурную детерминацию. Иными словами, ее развитие обусловлено социальным, человеческим, культурным и иными факторами.

Понимание объективности как интересубъективности присуще К. Попперу, который утверждает, что «объективность научных высказыва-

ваний основана на возможности их интерсубъективной проверки» [6]. Попперовская интерпретация объективности научного знания основана, во-первых, на понимании его относительности (любая научная теория временна, абсолютных научных теорий нет) и, во-вторых, на убеждении о необходимости его фальсификации (любая научная теория) объективна до тех пор, пока она не утратила свою фальсифицируемость). Таким образом, залогом объективности у Поппера становится не просто интерсубъективность, но критически ориентированная интерсубъективность – критическая позиция относительно любого знания.

Идею понимания объективности как интерсубъективности развивает Т. Кун, демонстрирующий опосредованность научного знания господствующей парадигмой, т.е. принятой научным сообществом системой представлений, ценностей, норм, установок. Взгляд ученого на мир, как полагает Кун, детерминирован его приверженностью парадигме, зависит от исторических и социальных факторов. Не факты определяют теорию, а теория выбирает те или иные факты. Парадигма, будучи продуктом коллективного творчества, ограничивает поле исследуемых объектов и детерминирует логику научного исследования. «... Природу пытаются “втиснуть” в парадигму, как в заранее сколоченную и довольно тесную коробку. Цель нормальной науки ни в коей мере не требует предсказания новых видов явлений: явления, которые не вмещаются в эту коробку, часто, в сущности, вообще упускаются из виду» [7].

Идею опосредования научного знания определенной научной традицией, научно-исследовательской программой, научной темой, а следовательно, сведения объективности к интерсубъективности разрабатывают соответственно Л. Лаудан, И. Лакатос, Дж. Холтон.

Что касается роли субъективного начала в научном исследовании, то наиболее глубоко и последовательно ее анализирует М. Полани. Преодолевая идеал обезличенности научного знания, отождествляемой с объективностью, он подводит к необходимости обдумывания новой модели роста научного знания, в которой учитывались бы действующие личностно-когнитивные механизмы познавательной деятельности. Полани фокусирует внимание на психологических механизмах восприятия субъектом объекта, на личностных началах знания. Он убежден, что люди, делающие науку, не могут быть заменены другими и отделены от произведенного ими знания. Новаторство Полани заключается в демонстрации того, что «в каждом акте познания присутствует страстный вклад познающей личности и что эта добавка – не свидетельство несовершенства, но насущно необходимый элемент знания» [8].

Конечно, неверно было бы рассматривать концепцию Полани как апологию субъективности научного знания. На наш взгляд, он проводит важную мысль о том, что научный поиск осуществляется в пространстве между субъективностью и объективностью и, соответственно, научное знание несет в себе оба этих начала. Полани утверждает: «...Концепция личностного не есть ни субъективное, ни объективное. Поскольку личностное подчинено требованиям, которые оно само признает как нечто от него независимое, оно несубъективно; но поскольку оно есть действие, руководимое индивидуальными страстями, оно и необъективно. Оно преодолевает дизъюнкцию между субъективным и объективным» [9]. Как нам представляется, Полани предвосхищает некоторые идеалы постнеклассической научной культуры.

Постнеклассическая научная культура формируется в контексте глобализации – сложного, охватывающего различные сферы человеческой жизнедеятельности процесса нарастания взаимосвязанности, взаимозависимости, взаимообусловленности бытия локальных, региональных сообществ в планетарном масштабе. Характерной приметой современной культуры становятся актуализация ценности диалога, осмысление диалогизма как оптимального принципа организации и объединения многообразного и многомерного пространства культуры человечества в интегрированное целое. Становление постнеклассической научной культуры связано с достижением следующей за индустриальным обществом ступени развития цивилизации – постиндустриального, информационного общества.

Рождение информационного общества ознаменовано микроэлектронной революцией, которая стартовала на Западе в 80-е годы прошлого века. По мнению исследователей, специфика этого общества заключается в его ориентации не на промышленное, как это было в индустриальном мире, но на информационное производство. Движущей силой общественного развития становится познавательный-теоретический интерес, информация превращается в высшую ценность и основной товар. Героем информационного общества является Homo creator – человек творческий, создатель креатосферы, креатогенной цивилизации, которая отличается от техносферы и техногенной цивилизации прежде всего тем, что на первое место в системе ценностно-смысловых ориентиров выдвигают креативные ценности. Разумеется, это не означает полную свободу информационного общества от утилитаризма, утилитаризм как вечный спутник человечества встраивается в культуру информационного обще-

ства, внося в ее ценностно-смысловую партитуру некоторые типично утилитарные ноты, например отношение к творчеству как источнику прибыли, т.е. капиталу [10].

Креативное отношение к миру как высшей ценности и цели, а также креативная по своей сути идея диалогизма, пронизывая постнеклассическую научную культуру, определяет его общую ориентацию на синтез знаний. Постнеклассическая наука основывается на синтетической научной картине мира, объединяющей представления о частях реальности, сложившихся в различных областях научного знания. Таким образом, речь идет не о редукционизме, но об особой форме интеграции знания. Возможность такой интеграции появилась благодаря созданию теории глобального эволюционизма. Эта теория, не нивелируя специфику каждой отдельной области знания, тем не менее, задает универсальную основу для их синтеза.

Глобальный эволюционизм как теоретический базис постнеклассической науки определяет основные идеалы и нормы исследовательской деятельности, устанавливаемые постнеклассической научной культурой. Во многом эти идеалы и нормы формируются в результате синтеза классических и неклассических представлений. Так, постнеклассическая научная культура устанавливает принцип среднего пути между объективностью и субъективностью научного знания, идею единства объективированного субъекта и субъективированного объекта.

Эта идея вытекает не только из представлений о месте человека в мире, но и в значительной мере из осмысления мира как такового. В рамках постнеклассической научной картины мира он предстает как организм – сложная, открытая, саморазвивающаяся, человекоразмерная система. Понимание мира как живого организма, все части которого взаимосвязаны, обуславливает, с одной стороны, многоаспектное, с другой стороны, целостное его видение, соответственно, предполагает возможность как многообразия, так и единства интерпретаций этого мира и, следовательно, утверждает значимость как субъективного, так и объективного факторов познания.

Однако специфика постнеклассического понимания объективности этим не ограничивается, она также заключается в пересмотре роли субъекта познания или вообще человека в процессе эволюции мира. Важнейшей особенностью постнеклассической научной картины мира является понимание мира как человекоразмерной системы. Такое понимание находит выражение в антропном принципе (Картер, 1973 г.), согласно которому Вселенная должна быть такой, чтобы на определенном этапе

ее эволюции ее параметры допускали существование наблюдателей. Н.Н. Моисеев формулирует антропный принцип следующим образом: «...Человек появился во Вселенной потому, что она такая, какая она есть!» [11]. Антропный принцип гласит, что потенциальные возможности возникновения жизни и разума были заложены уже на начальных стадиях развития Метагалактики: жизнь возникает там, где складываются для этого особые условия.

Таким образом, антропный принцип устанавливает связь всего происходящего во Вселенной с человеком как разумным существом. Постнеклассическое видение глобальной эволюции заключается в том, что человеческое действие представляется не только включенным в мировую систему, но и способным влиять на ее развитие. В постнеклассическом толковании человек имеет дело не с жесткими причинно-следственными связями, но с определенным набором возможностей, перед ним стоит проблема выбора из множества возможных путей эволюции некоторого оптимального пути.

Субъект исследования предстает одновременно как элемент исследуемого объекта и как его реорганизатор, так как поиск истины в конечном счете сопряжен с определением стратегии преобразования исследуемого объекта, т.е. «человекоразмерной» системы. Иными словами, осмысление мира как антропомерной саморазвивающейся системы предполагает, что человек своим вмешательством может воспрепятствовать этому процессу или, наоборот, поспособствовать, угадав характер изменений. Важнейшее требование постнеклассической науки заключается в следующем: саморазвивающимися системами нельзя управлять, навязывая им некоторые желательные сценарии развития, необходимо лишь создавать условия, с тем чтобы система развивалась по тому или иному сценарию.

Таким образом, постнеклассическая наука синтезирует классический принцип объективированного субъекта и неклассический принцип субъективированного объекта и формулирует принцип взаимопроникновения, взаимообусловленности, взаимозависимости субъекта (человека) и объекта научного исследования («человекоразмерной системы»).

Принцип взаимообусловленности субъекта и объекта научного познания дискредитирует классический идеал ценностной нейтральности научного исследования и выдвигает требование включения ценностных параметров в состав предлагаемых объяснительных научных конструкций. Научное познание начинает рассматриваться в контексте его социальных последствий, что требует соотнесения с гуманистическими цен-

ностями. В результате такого эпистемологического сдвига формируется новое представление о субъекте исследования как детерминированном общекультурными целями и ценностями, а также представление о науке как обусловленной культурой социальной силе, размываются границы между познавательными целями и ценностями, с одной стороны, и целями и ценностями гуманистическими – с другой. Сложные развивающиеся человекообразные системы, с которыми имеет дело постнеклассическая наука, в представлении современных историков и философов науки, предполагают экспликацию связей между внутринаучными и вне-научными социальными целями и ценностями. Такого рода экспликация выступает как условие объективности знания. Одной из ее версий является социально-этическая экспертиза научных программ и проектов [12].

Примечания

1. *Степин В.С.* Вопросы философии. – 2006. – № 10. – С. 54–55.
2. См.: *Степин В.С., Кузнецова Л.Ф.* Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. – М., 1994. – С. 153.
3. *Мах Э.* Познание и заблуждение: Очерки по психологии исследования. – М., 2003. – С. 48.
4. *Пуанкаре А.* Наука и метод. – М., 1983. – С. 303.
5. Цит. по: *Тарнас Р.* История западного мышления. – М., 1995. – С. 278.
6. *Поппер К.Р.* Логика и рост научного знания. – М., 1983. – С. 68.
7. *Кун Т.* Структура научных революций. – М., 1977. С. 45.
8. *Полани М.* Личностное знание: На пути к посткритической философии. – М., 1985. – С. 19.
9. Там же. – С. 300.
10. См.: *Бузгалин А., Колганов А.* Человек, рынок и капитал в экономике XXI века // Вопросы экономики. – 2009. – № 3. – С. 125–141.
11. *Моисеев Н.Н.* Современный рационализм. – М., 1995. – С. 139.
12. *Степин В.С.* Теоретическое знание. – М., 2003. – С. 619–626.

Дата поступления 11.03.2012

Тюменский государственный
университет, г. Тюмень
fellowsoldier86@mail.ru
eremin.andrey@mail.ru

Eremin, A.I. and E.N. Yarkova. Objectivity as an element of scientific culture

The article demonstrates and analyses evolutions of understanding objectivity as cognition value.

Keywords: Science, culture, values, objectives.